

ФРАЗЕОСЕМИОЗИС: ОТ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ К ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМУ ЗНАЧЕНИЮ

О.А. Кознова

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии
e-mail: jalo1710@rambler.ru*

*Старооскольский филиал Белгородского государственного национального
исследовательского университета*

В исследовании предпринята попытка раскрыть специфику внутренней формы косвеннономинативных знаков с позиций когнитивно-семасиологического подхода. Обосновывается лингвокогнитивный статус внутренней формы, представляющей собой когнитивную основу формирования фразеологического значения и его речевой реализации.

***Ключевые слова:** внутренняя форма фраземы, лингвокогнитивная категория, фразеологическое значение, мотивированность, этимон.*

Когнитивно-семасиологическая теория внутренней формы (далее – ВФ) знаков вторичной номинации базируется на мистико-интуитивистской концепции ВФ языка, которую разрабатывали В. фон Гумбольдт, В. Вундт и др. Хотя эти исследования требуют критического осмысления, очень важно их учитывать, обращаясь к изучению роли ВФ в процессе формирования значения фразем.

Известно, что ВФ непосредственно участвует в формировании фразеологического значения (далее – ФЗ), предпосылками которого становится определенным образом переосмысленная синтаксическая конструкция (это может быть как непредикативное, так и предикативное образование). Это основа нашей гипотезы: ВФ представляет собой хранящийся в языковом сознании деривационно-исторический взгляд на содержание знаков непрямой номинации, в нашем случае – фразем. Это своего рода «когнитивно-дискурсивная колыбель» каждой фраземы, ее генотип, предопределяющий дальнейшее развитие и функционирование единицы в узусе носителей языка. В связи с этим с позиций синхронии исследуемая категория зачастую не соотносится с актуальным значением фраземы.

Стоит отметить, что изучение ВФ как категории, имеющей выход в языковую и когнитивную плоскости, связано с определенными сложностями для исследователей. При этом однозначно не решен вопрос о статусе ФЗ наряду с другими категориями семантики. Авторитетные

ученые убедительно доказывают целесообразность выделения ФЗ, которое не стоит отождествлять с лексическим (см.: [Алефиренко 2005 б: 21]).

Проблема определения сущности ВФ фраземы связана с тем, что ее изучение опирается в основном на труды зарубежных – достаточно авторитетных – исследователей [Lakoff, Kövecses 1987; Langacker 1991]. В этом нам видится некая «односторонность» изучения исследуемой категории. В этой связи необходимо сказать о богатом наследии отечественных семасиологов, чьи исследования крайне интересно пересмотреть с позиций когнитивистики, прежде всего мы имеем в виду научные изыскания А.А. Потебни.

Остановимся, в первую очередь, на требующем когнитивного осмысления замечании автора о том, что внутренняя форма – это своего рода знак [Потебня 1999: 84]. Трудность заключается в том, как рассматривать это понятие: как категорию семиотическую или психическую. Если использовать применительно к понятию ВФ методы и приемы семиотики, то вообще отпадает необходимость вводить данное понятие, оно в таком случае включается в понятие «знак». Если квалифицировать ВФ фраземы сквозь призму психологии, то смысл фразы, в которой А.А. Потебня определяет исследуемое понятие, становится достаточно прозрачным: «*внутренняя форма* <...> есть отношение содержания мысли к сознанию» [Потебня 1999: 83]. Эта дефиниция демонстрирует, что в исследованиях А.А. Потебни *отношение* (или *связь*) воспринимается, трактуется как знак. Действительно, знак – это *отсылание, отношение*. В контексте рассуждений ученого ВФ можно назвать знаком, но с оговоркой: она отличается от знаков назывных – слов и фразем.

Знаковая природа ВФ фразем подтверждается еще и тем, что последние – это своего рода деривационно-историческая точка зрения на содержание фраземы, хранящаяся в языковом сознании носителей языка. Данная интерпретация ВФ служит необходимым условием объективного исследования ее деривационно-исторической основы. Это имеет принципиальное значение для когнитивистики, так как в некоторых исследованиях ВФ отождествляют или *с мотивированностью*, или *с этимологическим значением* фраземы, подразумевая при этом его свободносинтаксический прототип. Однако следует отметить, что ВФ отличается от перечисленных категорий «по сути», у нее другая сущность. При этом нельзя отрицать, что ВФ тесно связана с ними.

Возвращаясь к проблеме определения места ВФ в процессе формирования ФЗ как особой семантической категории, необходимо учитывать, что последняя характеризуется набором отличительных свойств, обусловленных характером ее формирования и развития. Данные свойства раскрывают ряд аспектов семантической структуры косвеннономинативных знаков. Один из таких аспектов – ВФ фразем.

По словам А.М. Мелерович, характер ВФ во многом предопределяет своеобразие ФЗ [Мелерович 1979: 18], в этом плане крайне интересно выяснить, как ВФ взаимодействует с ФЗ, но для этого необходимо установить статус самой ВФ.

ВФ знака языка можно исследовать с разных позиций: ономазиологии и семасиологии. Оба подхода легли в основу двух концепций А.А. Потебни, которые сложились в разные периоды его научной деятельности. Ученые, представляющие первую точку зрения, анализируют исследуемую категорию с учетом психологического аспекта, сторонники второго подхода квалифицируют ВФ как категорию языковую, при этом, без сомнения, нельзя не учитывать психологическую составляющую. Данное понимание ВФ знака языка основано на понятии апперцепции, которым обозначается влияние пережитых человеком эмоций и ощущений на каждое восприятие жизненного события: «При создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, то есть апперцепируется» [Потебня 1999: 99]. Данное суждение раскрывает специфику ФЗ, которую во многом предопределяет (хотя и косвенно) коллективный опыт этноса. Можно предположить, что он зашифрован в генетических прототипах знаков вторичной номинации.

Так как фраземы являются знаками непрямой, косвенной номинации, то из этого следует, что ФЗ формируется не непосредственно, а опосредованно. На наш взгляд, именно ВФ является связующим звеном, «посредником» между ФЗ и значением прототипа фраземы. По словам Н.Ф. Алефиренко, ВФ включает определенные смысловые элементы лексической и грамматической семантики той основы, на которой развивается ФЗ, это те элементы, которые «передают гены» будущей фраземе [Алефиренко 2006: 206].

Говоря о месте исследуемой категории в процессе формирования ФЗ, необходимо упомянуть, что ВФ способна мотивировать ФЗ, и этот феномен можно считать ведущей когнитивной функцией ВФ. С семасиологической точки зрения многие исследователи усматривали связь категории мотивированности и ВФ фраземы (О.И. Блинова, А.В. Кунин, Т.З. Черданцева и др.). Мотивированность – это структурно-семантическое свойство фраземы, а ВФ – это компонент ее формально-содержательной структуры, выражающей это свойство. Функционально ВФ является «средством выражения мотивированности фраземы», а в онтологическом плане – «лексико-грамматической структурой фраземы, позволяющей объяснить связь ее звучания и значения» [Юрина 2004: 17].

ВФ фраземы выступает как своего рода форма или символ знака. «Обязательный, имманентный, интериоризированный признак,

являющийся превербальным образованием и выделяемый сознанием апостриори в виде субъективированного умственного образа, с которым сопоставлена соответствующая основа», – так определяет понятие ВФ Т.Р. Кияк [Кияк 1987: 67]. С учетом этого, ВФ определяем как обязательный признак, присутствующий во фраземе, который выделяется сознанием «апостриори», то есть на основании предыдущего опыта. Так, при восприятии фраземы *закрывать / закрыть глаза* (на что-либо) сознание носителей языка легко воспроизводит этимологический образ человека, который закрывает глаза и перестает видеть все, что его окружает. Этот образ прозрачно мотивирует современное значение фраземы, служит смыслообразующей базой для ВФ знака вторичной номинации, которая формируется на основе одного из признаков этимологического образа, а именно: ‘не замечать, не видеть’. Именно этимологический образ нередко принимают за ВФ фраземы. Однако, мы считаем, что следует разграничивать ВФ и этимологический образ, поскольку эти категории лежат в разных плоскостях, хотя несомненно имеют точки соприкосновения в рамках изучения ФЗ.

Этимон можно расшифровать, для этого необходимо восстановить начальный этап функционирования единицы в языке. А ВФ, наоборот, в любой период «жизни» языковой единицы обязательно ей присуща. При этом интересно отметить, что изменения, касающиеся языковой единицы неминуемо «скажутся» на ее ВФ [Кияк 1987: 60]. Этимон можно определить как явление статичное, не меняющееся, а ВФ динамична. Она развивается вслед за развитием ФЗ. В связи с таким подходом крайне интересно установить лингвокогнитивный статус ВФ, которая является базой для формирования ФЗ. Одним из первых такую попытку предпринял Н.Ф. Алефиренко. Ученый отмечает, что «внутренняя форма не сводится ни к концепту, ни к эмосеме, ни к этимологическому значению. Это своего рода речемыслительный кентавр, фокусирующий в себе один из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта» [Алефиренко 2005 а: 136]. Толкование ВФ как «речемыслительного кентавра» позволяет рассматривать ее как элемент, относящийся и к когнитивной, и к языковой семантике.

По нашему мнению, важно понять, какую роль играет ВФ фразем в процессе когниции, в процессе косвенной вербализации познаваемой действительности, что, в свою очередь, поможет выяснить степень генетической сопряженности фразеологического значения и ВФ. При определении лингвокогнитивных этапов порождения ФЗ необходимо иметь в виду, что ВФ в большей степени обуславливает вербальное оформление фраземы, нежели смысловое (хотя этот аспект нельзя игнорировать), т.е. ВФ становится источником словопорождения. Именно поэтому для нас важно увидеть, какой путь проходит мысль от

момента возникновения, зарождения до момента ее вербального воплощения в структуре знаков косвенно-производной номинации.

В своем исследовании мы опираемся на разработки Н.Ф. Алефиренко, который предлагает механизм формирования образной семантики знаков языка при участии ВФ: *универсально-предметный код > предметный остов > внутренняя форма > словесный образ*. Эта цепочка показывает, что ВФ развивается на основе универсально-предметного кода (далее – УПК) и предметного остова; вобрав в себя элементы этих категорий, она становится источником для более сложного понятия – словесного образа.

В этом когнитивном механизме УПК является посредником между объектом познания и знаком языка, предметный остов уже можно отнести к смысловой структуре слова или фраземы. По замечанию Н.Ф. Алефиренко, ВФ – это элемент, находящийся на границе когнитивной и языковой семантики, в то время как УПК и предметный остов находятся в пределах когнитивной плоскости.

Это позволяет рассматривать ВФ фразем в качестве лингвокогнитивной категории, поскольку она выделяется в структуре фраземы, опираясь на данные сознания носителей языка.

Допустим, что предметный остов языковой единицы можно рассматривать как образ некоего предметного действия, то такой образ может получить словесное оформление. Например, способность человека очень быстро передвигаться, бежать имеет предметный остов-образ, который кодирует определенную схему, наполненную следующим содержанием: «субъект может или будет передвигаться с большой скоростью». Это программа будущего предметного действия, но зрительный образ еще не сформировался, «он развивается в дискурсивной деятельности вместе с выбором той или иной словесной структуры» [Алефиренко 2006: 202–203]. Иллюстрацией сказанного послужат следующие примеры: *во всю прыть; сломя голову; во весь дух; во все лопатки; что есть духу; что есть силы*. На этом этапе мысль еще не имеет вербального оформления, поэтому предметный остов является ее главным компонентом, поскольку носитель языка осознает, какое действие он совершит, но пока не может сформировать мыслительную структуру в зрительный образ. Предполагаемое становится актуальным, когда возникает наглядно-чувственный образ, который проецирует образ словесный. В этот момент предметный остов трансформируется во ВФ. Данный механизм формирования образной семантики языковых знаков является общим для номинативных единиц, т.е. для слов и фразем.

Данный механизм формирования образной семантики фразем позволяет заключить, что ВФ языкового знака является мостиком между когнитивной и языковой плоскостями. ВФ имеет непосредственное отношение к сознанию (вычленяется с учетом данных сознания носителей

языка), принимает участие в процессах познания. Можно отметить, что она является отправной точкой в ходе формирования словесного образа будущей фраземы.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что связь категории ВФ с категориями мотивированности, этимологического образа и сознания свидетельствует о лингвокогнитивной сущности рассматриваемой категории. С одной стороны, ВФ фразем выделяется на основе данных языкового сознания носителей языка и благодаря способности говорящего осознавать связь звучания и значения этих единиц, а с другой – ВФ имеет формальное (знаковое) выражение. Благодаря наличию ВФ, собственно, и проявляется осознаваемая связь сознания с языком.

Рассматривая представленные свойства и признаки ВФ фразем с позиций семасиологического подхода к пониманию специфики исследуемой категории, можно сформулировать вывод о том, что все эти характеристики доказывают, что ВФ фразем соединяет когнитивную и языковую семантику, то есть является лингвокогнитивной категорией.

Возвращаясь к вопросу определения роли ВФ в ходе формирования ФЗ, мы исходим из того, что фраземы – это знаки косвенно-производной номинации, поэтому считаем: ВФ фразем является опосредованием, мостиком между ФЗ и значением исходной основы, которая послужила началом для новой языковой единицы. Особенность, специфика ВФ фразем предопределяется в результате соотношения семантики фраземообразующих компонентов с обобщенно-целостным значением фраземы. Важно отметить и то, что в процессе вторичного семиозиса предмет мысли «всплывает на поверхность» сознания, то есть становится понятным носителю языка, но одновременно коррелирует с первичным знакообозначением единицы, являющуюся предметом мысли в новой коммуникативной ситуации.

Таким образом, считаем, что когнитивной основой развития ФЗ является исследуемая категория – внутренняя форма. Следует отметить, что ВФ представляет собой достаточно сложный феномен, поскольку она сопряжена с целым рядом очень близких, но нетождественных категорий, в первую очередь, это категория мотивированности. Последняя – это одно из свойств фраземы, ВФ служит средством, способом выражения данного свойства. ВФ высветляет в нашем языковом сознании важный, значимый для данной речевой ситуации денотативный признак, она становится источником словопорождения, вербального оформления будущей фраземы. По нашему мнению, в этом и заключается лингвокогнитивная суть ВФ и ее роль в формировании значения фраземы.

ВФ представляет собой содержание, которое объективировано в языковой форме, при этом одновременно она является символом другого содержания. Исследуемая категория позволяет носителю языка декодировать заключенную во фраземе мысль. Отметим, что ФЗ – это

содержание мысли, ВФ – лишь ее еле уловимый символ. Именно поэтому ВФ не следует отождествлять с этимоном, с актуальным фразеологическим значением. ВФ более тонкая, еле уловимая категория. Возможно, ВФ – это тот код, который позволяет хранить фраземы в памяти носителей языка. Она позволяет устанавливать связь между конкретным человеком и конкретной речемыслительной ситуацией. ВФ является источником, стимулом словопорождения, важным условием, задающим вектор формирования ФЗ.

Библиографический список

Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005 а. 326 с.

Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М.: Эллипс, 2005 б. С. 21–27.

Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Кияк Т.Р. О внутренней форме лексических единиц // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 66–72.

Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: уч. пособие по спецкурсу. Ярославль: ЯГПУ, 1979. 79 с.

Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 270 с.

Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

Юрина Е.А. К вопросу об интерпретации термина «языковой образ» в лексической семантике // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 38. 218 с.

Lakoff G., Kövecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Holland D. & Quinn N. (Eds.) Cultural models in language and thought. New York: Cambridge University Press, 1987. Pp. 195–221.

Langacker R.W. Concept, Image and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar. Berlin, N. Y., 1991. Pp. 28–33.